

В стольном в городе во Киеве
У славного сударь князя у Владимира
Три годы Добрынюшка стольничал,
А три годы Никитич приворотничал,
Он стольничал, чашничал девять лет,
На десятый год погулять захотел
По стольному городу по Киеву.
Взявши Добрынюшка тугой лук
А и колчан себе каленых стрел,
Идет он по широким по улицам,
По частым мелким переулочкам,
По горницам стреляет воробушков,
По повалушам стреляет он сизых голубей.
Зайдет в улицу Игнатьевску
И во тот переулок Маринин,
Взглянет ко Марине на широкий двор,
На ее высокие терема.
А у молоды Марины Игнатьевны,
У нее на хорошем высоком терему
Сидят тут два сизые голубя,
Над тем окошком косящатым,
Целуются они, милуются,
Желты носами обнимаются.
Тут Добрыне за беду стало,
Будто над ним насмеваются;
Стреляет в сизых голубей;

А спела ведь тетивка у туга лука,
Звыла да пошла калена стрела.
По грехам над Добрынею учинилось,
Левая нога его поскользнула,
Права рука удрогнула,
Не попал он в сизых голубей,
Что попал он в окошечко косящатое,
Проломил он оконницу стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб он зеркало стекольчатое;
Белодубовы столы пошатались,
Что питья медяные всплеснулись.
А втапоры Марине безвременье было,
Умывалась Марина, снаряжалась
И бросилась на свой широкий двор:
«А кто это, невежа, на двор заходил,
А кто это, невежа, в окошко стреляет?
Проломил оконницу мою стекольчатую,
Отшиб все причалины серебряные,
Расшиб зеркало стекольчатое».
И втапоры Марине за беду стало,
Брала она следы горячие молодецкие,
Набирала Марина беремя дров,
А беремя дров белодубовых,
Клала дровца в печку муравленую
Со темя следы горячими,

Разжигает дрова палящатым огнем,
И сама она дровам приговариват:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со темя следы молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое
Как у молодца Добрынюшки Никитьевича.
А и Божья крепко, вражья-то лепко».
Взяла Добрыню пуще вострого ножа
По его по сердцу богатырскому:
Он с вечера, Добрыня, хлеба не ест,
Со полуночи Никитичу не уснетя,
Он белого свету дожидается.
По его-то щаски великия
Рано зазвонили ко заутреням.
Встает Добрыня ранешенько,
Подпоясал себе сабельку вострую,
Пошел Добрыня к заутрени;
Прошел он церкву соборную,
Зайдет ко Марине на широкий двор,
У высокого терема послушает.
А у молодца Марины вечеринка была,
А и собраны были душечки красны девицы,
Сидят и молоденьки молодушки,
Все были дочери отецкие,
Все тут были жены молодецкие.
Вшел он, Добрыня, во высок терем, -

Которые девицы приговаривают,
Она, молода Марина, отказывает и прибранивает.

Втапоры Добрыня ни во что положил,
И к ним бы Добрыня в терем не пошел.
А стала его Марина в окошко бранить,
Ему больно пенять.

Завидел Добрыня он Змея Горынчата,
Тут ему за беду стало,

За великую досаду показалось;
Сбежал на крылечка на красная.

А двери у терема железные,
Заперлася Марина Игнатьевна,
А и молодые Добрыня Никитич млад
Ухватит бревно он в охват толщины,
А ударил он во двери железные недоладом,

Из пяты он вышиб вон,
И сбежал он на сени косящаты.

Бросилась Марина Игнатьевна
Бранить Добрыню Никитича:
«Деревенщина ты, детина, засельщина!
Вчера ты, Добрыня, на двор заходил,
Проломил мою оконницу стекольчатую,
Ты расшиб у меня зеркало стекольчатое».

А бросится Змейща Горынчища,
Чуть его, Добрыню, огнем не спалил,
А и чуть молодца хоботом не ушиб,

А и сам тут Змей почал бранити его,
Больно пеняти:
«Не хочу я звати Добрынею, Не хочу величать
Никитичем,
Называю те детиною деревенщиною,
«Деревенщиною» и засельщиною;
Почто ты, Добрыня, в окошко стрелял,
Проломил ты оконницу стекольчатую,
Расшиб зеркало стекольчатое?»
Ему тута-тко, Добрыне, за беду стало
И за великую досаду показалось;
Вынимал саблю вострую,
Воздымал выше буйны головы своей:
«А и хочешь ли тебе,
Змея, изрублю я В мелкие части пирожные,
Разбросаю далече по чистом полю?»
А и тут Змей Горынич, хвост поджав,
Да и вон побежал;
Взяла его страсть, так зачал...,
Околышки метал, по три пуда...
Бегучи, он, Змей, заклиняется:
«Не дай Бог бывать ко Марине в дом,
Есть у нее не один я друг,
Есть лутче меня и повежливее».
А молода Марина Игнатьевна
Она высунулась по пояс в окно,

В одной рубашке без пояса;
А сама она Змея уговаривает:
«Воротись, мил надежа, воротись, друг!
Хошь, я Добрыню обверну клячею водовозною?
Станет-де Добрыня на меня и на тебя воду возить;
А еще хошь, я Добрыню обверну гнедым туром?»
Обвернула его, Добрыню, гнедым туром,
Пустила его далече во чисто поля,
А где-то ходят девять туров,
А девять туров, девять братеников,
Что Добрыня им будет десятый тур,
Всем атаман золотые рога.
Безвестна не стало богатыря,
Молода Добрыни Никитьевича,
Во стольном в городе во Киеве.
А много-де прошло поры, много времени,
А и не было Добрыни шесть месяцев, -
По-нашему-то, сибирскому, слывет полгода.
У великого князя вечеринка была,
А сидели на пиру честные вдовы,
И сидела тут Добрынина матушка,
Честна вдова Афимья Александровна,
А другая честна вдова, молода Анна Ивановна,
Что Добрынина матушка крестовая.
Промежу собою разговоры говорят,
Все были речи прохладные.

Ниоткуль взялась тут Марина Игнатьевна,
Водилася с дитятыми княженецкими;
Она больно, Марина, упивалася,
Голова на плечах не держится,
Она больно, Марина, похваляется.
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольном во городе во Киеве
А я нет меня хитрея, мудрея, -
А и я-де обвернула девять молодцов,
Сильных могучих богатырей, гнедыми турами;
А и ноне я-де опустила десятого,
Молодца Добрыню Никитьевича,
Он всем атаман золотые рога».
За то-то слово изымается
Добрынина матушка родимая,
Честна вдова Афимья Александровна,
Наливала она чару зелена вина,
Подносила любимой своей кумушке,
А сама она за чарою заплакала:
«Гой еси ты, любимая кумушка,
Молода Анна Ивановна!
А и выпей чару зелена вина,
Поминай ты любимого крестника,
А и молода Добрыню Никитьевича, -
Извела его Марина Игнатьевна,
А и ноне на пиру похваляется».

Проговорит Анна Ивановна:
«Я-де сама эти речи слышала,
А слышала речи ее похваленные».
А и молода Анна Ивановна
Выпила чару зелена вина,
А Марину она по щеке ударила,
Сшибла она с резвых ног,
А и топчет ее по белым грудям,
Сама она Марину больно бранит:
«А и сука ты,..., еретница...!
Я-де тебе хитрея и мудреня,
Сижу я на пиру, не хвастаю,
А и хошь ли, я тебя сукой обверну?
А станешь ты, сука, по городу ходить,
А станешь ты, Марина, много за собой псов водить».
А и женское дело прелестивое,
Прелестивое, перепадчивое.
Обвернулася Маринка касаточкой,
Полетела далече во чисто поле,
А где-то ходят девять туров, Девять братеников,
Добрыня-то ходит десятый тур;
А села она на Добрыню, на правый рог,
Сама она Добрыню уговаривает:
«Нагулялся ты, Добрыня, во чистом поле,
Тебе чисто поле наскучило
И зыбучие болота напрокучили,

А и хошь ли, Добрыня, жениться?
Возьмешь ли, Никитич, меня за себя?» –
«А право, возьму, ей-богу возьму!
А и дам те, Марина, поученьица,
Как мужья жен своих учат».
Тому она, Марина, не поверила,
Обвернула его добрым молодцем,
По-старому, по-прежнему,
Как бы сильным могучим богатырем,
Сама она обвернулася девицею;
Они в чистом поле женилися,
Круг ракитова куста венчались.
Повел он ко городу ко Киеву,
А идет за ним Марина раскорякою.
Пришли они ко Марине на высок терем,
Говорил Добрынюшка Никитич млад:
«А и гой еси ты, моя молодая жена,
Молода Марина Игнатьевна!
У тебя в высоких хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитися,
Не за что стенам поклонитися.
А и чай моя вострая сабля заржавела?»
А и стал Добрыня жену свою учить, Он молоду Марину
Игнатьевну,
Еретницу,..., безбожницу:

Он первое ученье – ей руку отсек,
Сам приговаривает:
«Эта мне рука не надобна,
Трепала она, рука, Змея Горынчища»;
А второе ученье – ноги ей отсек:
«А и эта-де нога мне не надобна,
Оплеталася со Змеем Горынчищем»;
А третье ученье – губы ей обрезал
И с носом прочь:
«А и эти-де мне губы не надобны,
Целовали они Змея Горынчища»;
Четвертое ученье – голову отсек
И с языком прочь:
«А и эта голова не надобна мне,
И этот язык не надобен,
Знал он дела еретические».